

1055 40

1928

ТУРКМЕНОВЕДЕНИЕ
ТУРКМЕНИСТААНЬ ÖVRENİŞİ

تورکمنستانى اؤره نیش

СЕНТЯБРЬ — № 9 — 1928 / ГОДА

ЕЖЕМЕСЯЧНИК
ИНСТИТУТА
ТУРКМЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
АШХАБАД

TURKMEN MEDENIJETI INSTITUTY
ИНСТИТУТ ТУРКМЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

ТУРКМЕНОВЕДЕНИЕ
(Turkmenistanь övreniş)

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

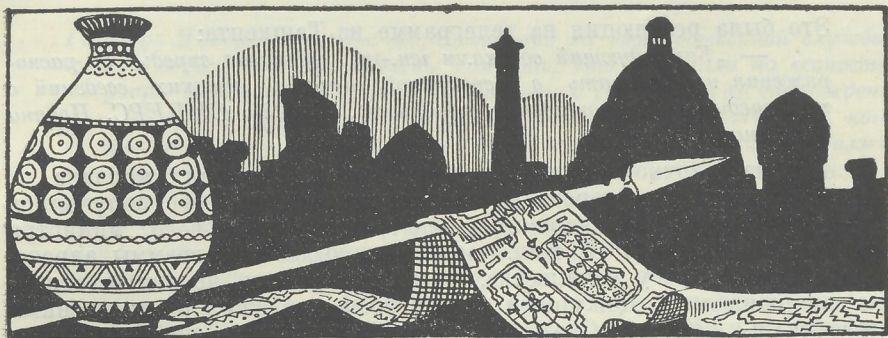

№ 9.

Сентябрь 1928 года.

(Год издания второй)

А Ш Х А Б А Д

Исторический отдел

ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ В ТУРКМЕНИИ

В. КАРПЫЧ.

1. Революцию—„под сукно!“.

В календаре теперь значится:

— „24 февраля (по ст. стилю)—начало февральской революции. В Петрограде бастуют до двухсот тысяч рабочих“.

— „25 февраля—выборы Советов рабочих депутатов в Петрограде“.

— „26 февраля—восстание в войсках Петрограда. Взятие Выборгской тюрьмы“.

— „27 февраля—победа Февральской революции“.

— „2 марта—отречение Николая II-го“.

И за этими спокойными строчками мы видим взбушевавшееся рабоче-крестьянско—солдатское море. Мы слышим оглушительные взрывы революционного негодования миллионных масс и грузные обвалы векового царского режима.

В первый же день, начавшейся Февральской революции,—весь мир знал об этом. Радио-волны бросали ошеломляющие вести всему земному шару.

Только в глухих окраинах России ни о чем не знали широкие массы. Высшие чиновники, оцепенев от ужаса, со страхом еще раз перечитывали „строго-секретные“ телеграммы и не знали, что делать.

Во всяком случае, эти чиновники пытались запрятать, неожиданно всплывшее, „беспокойное дело“ под сукно.—А там видно будет!

Уже революция победила. 2-го марта уже отрекся Николай II-й, а в этот день в Асхабаде тщедушный, со старушечьим лицом, генерал-майор Колмаков, начальник области, болезненно сжавшись в маленький комочек, писал:

— „19.III.17. Цензору для точного исполнения. Г. М. КОЛМАКОВ“.

Это была резолюция на телеграмме из Ташкента:

— „Командующий войсками ген.-губ. приказал впредь до распоряжения не помещать в повременной печати никаких сведений о происшедших петроградских событиях“. № 1229. СИБЕРС. Подана 1 марта.

И цензор точно исполнил приказ: газета „Асхабад“ молчала.

В другом конце города, на жел. дорожном телеграфе, получались уже целые пачки революционных телеграмм—и от нового министра путей сообщения, и от ЦК жел. дорожного союза. Телеграммы адресовались через голову начальства, прямо мастерским, но эти телеграммы задерживались. Дежурный по телеграфу доложил о полученных известиях н-ку службы Связи, тот—н-ку Дороги, тот—спросился жандармского управления. И объединенными усилиями „вершители судеб“ все прятали и прятали революцию „под сукно“.

Наконец, уже два дня огромная страна управлялась без „отрекшегося“ царя, уже поезда с очевидцами революционных событий прибыли в Закаспий, уже разнеслись слухи с телеграфа о скрываемой революции, уже нельзя было держать события в секрете.—и все же 4-го марта чиновничья машина из Ташкента шлет секретные спешные циркуляры:

— „Начальнику Закаспийской области. Штаб Туркестанского Военного Округа уведомил, что Командующий войсками Округа приказал усилить надзор за прибывающими из Европейской России в пределы Округа лицами. Об этом канцелярия Ген. губ. сообщает для зависящих распоряжений“.

А так как командующий войсками беспокоился, что без воинской силы у начальника области никаких „зависящих“ распоряжений не выйдет, то телеграфно был передан такой приказ от 2 марта:

— „Начальнику Запасной Бригады, Начальнику Области. Подчиняю вам в командном и дисциплинарном отношениях, на правах начальника дивизии, все воинские части и команды, не входящие в состав бригады, расположенные в пределах Закаспийской области. Надеюсь на умелое, вполне спокойное использование предоставленной вам военной силы. В Асхабаде и других более крупных центрах назначьте, по соглашению с начальником области, дежурные части в распоряжение представителей местной администрации. Примите меры к избежанию напрасного пролития крови. Укажите всем начальствующим, —офицерскому составу на необходимость переживаемых ныне родиной тяжелых дней, поддержания полного порядка, который только и может обеспечить России победу. КУРОПАТКИН“.

Начальник жандармского полицейского управления Средне-Азиатской железной дороги Фон-Франкенштейн 4-го марта разослал по всем жандармским отделениям Ср.-Аз. ж. д. такую телеграмму:

— „Высочайшим указом государственная дума 26 февраля была распущена. В настоящее время получены телеграммы за подписью председателя думы Родзянко и депутатов думы, —что несколько депутатов думы во главе с председателем Родзянко сорганизовали комитет, устранили высшие законные власти в Петрограде и объявили себя Временным правительством. Под флагом „спасения отечества“ разосланы телеграммы за подписью Родзянко командующим армиями, флотами, начальнику штаба Верховного Главнокомандующего и городским головам Империи, с призывом к дружной работе—сломить врага и обеспечить всем необходимым как армию, так и население. В телеграмме нигде не упомянуто имени Его Императорского Величества

Государя Императора. Мы же, состоящие на государственной службе, всегда и во всех случаях должны помнить, что присягали на верность Государю Императору и властям, Государем Императором утвержденным. В данное время, время страшной опасности для отчества, когда враг не только у порога, но ворвался во владения наши, мы должны наперечь все силы для дружной плодотворной работы и всеми силами приносить посильную пользу для спасения отчества. А потому будем ждать приказа Государева. Он — наш Государь Император — если найдет нужным утвердить образовавшееся правительство и прикажет подчиниться, исполним селято, не щадя себя, его волю и в положительном и в отрицательном случаях. В ожидании же слова Царя будем дружно работать, поддерживать порядок и спокойствие слабым духом“.

Но, наконец, суконная плотина прорвалась. — сдерживать напора телеграмм сверху и растущего возмущения снизу уже было не вьзя. Тем более, что новое „революционное“ правительство миюстиво разрешило всем старым контр-революционным правителям провинций оставаться спокойно на месте, и призывало „совместно двигаться к победе над общим врагом — Германией“.

Были выпущены телеграммы, газета, отдельные листовки с сообщением об отречении Николая II-го. Но это все еще „не официально“.

Только 7-го марта канцелярия начальника области получила телеграмму из Ташкента, в которой передавался приказ Туркестанского генерал-губернатора Куропаткина, об'являвший состав нового правительства и призывавший к подчинению ему. Начальник Закаспийской области, ген. майор Колмаков тогда же издал приказ по Закаспийской области за № 82, в котором целиком приводил приказ Куропаткина, и призывал к порядку и спокойствию. В газету этот приказ был послан только 8-го марта. Для перевода на киргизский язык этот приказ, с приложением был послан Красноводскому уездному начальнику лишь 9-го марта, причем оттуда снова должен был быть направлен обратно для проверки.

Таким образом, только 7-го марта революция в Закаспии была, наконец, „признана“ ген. майором Колмаковым и „отдана в приказе по области“ за очередным № 82.

А на 10 марта „после литургии и молебствия“ по всей области был назначен парад войскам, „согласно приказа“ из Ташкента.

II. „Да здравствует республика!“

Длиннейшие хвосты образовались в газетных киосках. Рвались на части газетчики и все же не успевали за требованиями.

Первые митинги произошли — у железнодорожных рабочих и в солдатских козармах. Возмущенные рабочие требовали предать суду администрацию железно дорожного телеграфа, задержавшую известия о революции. (И на первом съезде союза жел-зно-дорюжннк в САЗ в Асхабаде этот суд состоялся, но группа влиятельных служащих — управленцев сумела замаять это дело). Рабочими был немедленно арестован начальник жандармского управления Фон-Франкенштейн.

Митинги у рабочих проходили с огромным воодушевлением, и с определенными требованиями. В то время, как „революционное“ правительство не решалось расставаться с мыслью о конституционной монархии, а во всех „правительственных“ и казенно-общественных,

„присутственных“ местах оставался висеть портрет Николая II-го, — в это время рабочие с определенностью выставляли лозунги республики.

В Мерве перед рабочим собранием выступил „демократ“ граф Доррер, с призывом терпеливо дожидаться учредительного собрания, которое окончательно выяснит вопрос о формах управления страной и вопрос о династии.

В ответ на эти призывы раздались крики возмущения. Рабочие вскочили с мест и группами бросились к портретам царя и царицы, висевшим в зале собрания. Портреты в миг были сорваны со стен, сброшены на пол и толпа ногами топтала их. Крики „да здравствует республика“, „долгой монархии“, топот ног, поднимающаяся пыль от многолетних портретов — были лучшей резолюцией рабочих по вопросу о формах правления в России.

Такие же настроения были проявлены рабочими Красноводска, Кизил-Арвата, Асхабада и Чарджуя.

Рабочая масса Закаспия не имела прочных революционных традиций и своих руководящих кадров. Правда, 1905 год довольно бурно проходил на Средне-Азиатской железной дороге. Повсюду тогда зародились подпольные кружки. Революционное брожение передалось войскам, особенно железно-порожным багалионам.

В ряде городов были совершены террористические акты против представителей царской власти.

Но восторжествовавшая реакция жесточайшим образом расправилась со слабыми революционными ростками Закаспия. Массовые высылки из края (из Кизил-Арвата, например, выслали в один прием 70 рабочих), одиночные высылки, ссылки на каторгу и комбинированные меры приглушения всякой революционной мысли внутри Закаспия — все это привело к тому, что рабочая масса после Февральской революции осталась без руководящих кадров из рабочих. Кроме того, железнодорожники занялись устройством своих профессиональных дел, — созданием профсоюза, борьбой за руководство на железной дороге, а в „городские дела“, в первые месяцы, не вникали. Другие же рабочие коллективы, разбросанные по частным мелким предприятиям, не представляли солидной силы, и организации их топились в общей массе „граждан“.

Поэтому революционные настроения рабочих масс не вылились в организационные закрепления своих требований.

И в дни, когда созывались уже „общегражданские“ митинги по городам, рабочие не смогли проявить себя организаторами движения при формировании новой власти. Рабочие в большинстве пунктов были оттерты на второй план служилым чиновничеством, интеллигенцией, складно произносившими самые „архиреволюционные“ речи.

В солдатских казармах дело пошло несколько иначе. Там сразу солдатская масса поставила грань между собой и офицерством. Возникли солдатские комитеты, в противовес офицерским, помимо общих полковых и ротных комитетов.

Солдатская масса и дала в первые месяцы 1918 года главных руководителей подлинно революционно настроенных масс.

Если служилая публика первая начала организовывать группы асеров, то в солдатских массах возникли первые группы социал-демократов*).

*) В Закаспии в дни революции стояли запасные сибирские полки, в которых были мобилизованные студенты и рабочие, соприкасавшиеся ранее с социал-демократической работой. *Ред.*

Рабочие оказались под влиянием, главным образом, эсеров. Этому способствовала большая подвижность возникших эсеровских групп из служащих дороги, а также и то, что за 1905—07 г. г. эсеровские группы были многочисленнее в таких пунктах, как Кизил-Арват, благодаря своей эффектной террористической работе.

Возвратившиеся после „февраля“ из ссылки, эсеры подняли еще выше ореол этой партии.

Итак, власть избиралась по городам на совершенно случайных городских собраниях „всех граждан“, среди которых были и торговцы, и владельцы предприятий, и адвокаты, и старые царские администраторы.

„Временные Исполнительные комитеты“, стремившиеся стать самостоятельными органами Временного правительства на местах, явились, в конце концов, только демократическим придатком к оставшимся на местах, старым уездным начальникам, которые всегда ведь ладили и с крупными торговцами, и с лицами свободных профессий, и с предпринимателями.

Только там, где сама рабочая масса присутствовала на выборах исполнительных комитетов—там позорно изгонялись со своих постов бывшие администраторы. Так, в Мерве перед большим рабочим митингом пытался выступить начальник уезда с речью, в которой доказывал, что и он „давнийший революционер“. Невообразимый шум, крики „долой“ согнали с трибуны начальника уезда. Митинг принял категорическую резолюцию об устранении от власти этого начальника уезда. Временный исполнительный комитет это выполнил и посадил на место устраненного . . . его помощника, другого подполковника.

Власть в городах оказалась снова в руках, несколько обновленных перебросками, царских администраторов. А в помощь к ним пришли представители, либеральствующие чиновников, купцов и офицерства. В сущности, февральские (вернее мартовские) исполкомы никакой практической роли в жизни городов не играли, так как старые администраторы, переименовав только свои названия—в уездных комиссаров вместо уездных начальников, или в районных комиссаров вместо приставов,—вершили делами.

Рабочие и солдаты стали строить свои органы власти.

В Цуардел'е ТССР (откуда почерпнуты все цитируемые документы) сохранился косвенный документальный след, по которому видно, что 30 марта состоялось объединенное собрание следующих асхабадских организаций: временного исполнительного комитета, солдатского комитета Асхабадского гарнизона, совета служащих Средне-Азиатской железной дороги и совета рабочих депо.

Отсюда видно, что не позже конца марта уже имелись отдельные советы в казармах—солдатских депутатов, а в депо—рабочих. 20 апреля состоялось заседание „бюро по реорганизации солдатского комитета Асхабадского гарнизона и совета рабочих депутатов“.

Первое заседание совета солдатских и рабочих депутатов города Асхабада было назначено на первое мая 1917 года (по старому стилю). Очевидно, только к этому сроку и в других городах Закаспия закончилось создание таких советов, которые объединили рабочих и солдат уже всего данного города. На 1-м Всероссийском Съезде Советов делегаты от Асхабада присутствовали.

Верхушки меньшевистских и эсеровских групп завладели вновь созданными аппаратами объединенных Советов рабочих и солдатских

депутатов. Гнилое соглашательство стало основным принципом политической и практической работы руководителей советов. Когда же состоялся 1-й Областной Съезд Советов (конец мая или июнь), то избранный на нем „Областной Совет Рабочих и Солдатских Депутатов“ оказался в совершенном плену у областного комиссара—графа Доррера, а затем и его приемников.

Именем рабочих и солдат этот областной совет оказывал поддержку начавшейся откровенно контр-революционной борьбе буржуазных правителей против революционизировавшихся масс.

С фронта начали появляться отпущенные или дезертировавшие солдаты, из центра кое-как начала прорываться большевистская печать. Проезжавшие рабочие и солдаты рассказывали об истинном положении вещей в центре. В массах начало бродить недовольство существующим положением в Туркестане.

Областная власть, опираясь на аппарат царского „военно-народного управления“, пользуясь безраздельным владением периодической печатью, переходит в наступление на революционные настроения масс.

Ближайшим поводом послужили петроградские события 3-4 июля. По всей области разосланы ораторы—громить большевизм. Объединенные собрания в Асхабде областного и горьковского (овдепов, полковых и ротных комитетов 18 июля приняло резолюцию, в которой с меньшевистской пространностью мотивируют свое осуждение революционного выступления в Петрограде. Граф Доррер 5 июля отдает распоряжение назначить на 8-е июля осмотр дворов и частных помещений, с целью обнаружения и задержания дезертиров. Для этой операции начальник гарнизона должен назначить наряд в 700 солдат при 3-х офицерах. Наконец, травля всего революционного приняла такой нестерпимый характер, что даже внутри областного совета возникли колебания.

На заседании совета, от 28 июля, рассматривалось заявление члена совета Седых об издаваемой Облсоветом газете „Призыв“, под редакцией меньшевика Каца. Выслушав заявление Облсовет постановил: *„Запросить Каца о следующем: 1. Почему Кац изменяет содержание статей настолько, что они теряют свой первоначальный смысл и содержание; почему некоторые лица вышли из состава сотрудников газеты „Призыв“. 2. Почему не помещаются некоторые статьи, что вызвало даже бойкот газеты Кизил-Аrvatским советом. Запрашивая об этом, Совет просит Каца сделать общий доклад о направлении газеты“.*

Таким образом, руководство советами пошло вразрез нарастающим настроениям масс. А настроения определялись все усиливавшимся продовольственным кризисом, полным обесценением денег, недовольством заработной платой, неудовлетворенностью рабочих „куцей революцией“.

В массах рабочих и солдат началась постепенная, все усиливавшаяся работа, которая закончилась тем, что осенью, в Октябре, массы поднялись и сказали свое слово уже о Советской республике.

III. Туркмены и революция. *)

Война 1914 года явилась серьезнейшей проверкой крепости царского колонизаторского господства в национальных окраинах. В Закаспии, как и во всем Туркестане, война вызвала чрезвычайно уси-

*) Данной теме посвящена также статья в № 1 „Туркменоведения“ за 1928 год.— В. Карпыч—„Революционный путь Туркменистана,—но конечно, вся тема, в целом требует специальной работы.

ленное распыление той непроходимой трещины, которая была во взаимоотношениях коренного населения с царизмом.

С начала войны администрация края вынуждена была усилить внимание на преодоление появившегося „брожения умов среди туземного населения“.

В Закаспии стала издаваться даже газетка на туркменском языке, под редакцией инспектора училищ Беляева. Тот же Беляев редактировал, вновь открытый туркменский отдел в Ташкентской „Туземной газете“.

Но эта, усиливающаяся правительственная агитация настроений не изменяла. Начальник Туркестанского районного охранного отделения—подполковник Славин, в своей сводке с 1-го апреля по 1-е сентября 1918 года, писал: „война с Турцией внесла тревогу в жизнь мусульман, даже не сочувствовавших панисламистским идеям“.

Начались сборы денег в пользу Турции, начались тайные собрания. И только то обстоятельство, что в работе среди мусульман не существовало ни общего плана, ни общего руководства, только это, по словам начальника охраны, дало возможность считать, что нет непосредственной угрозы „царским устоям“.

Кроме врагов и своих могильщиков, капитализм воспитывал в Туркестане и кадры своих друзей, в лице зарождающихся и крепнущих местных капиталистов.

В Туркмении война вызвала особенно бурный рост и подъем нарождающейся буржуазии.

Как известно, война послужила серьезнейшим толчком к росту хлопководства в Туркмении, как и во всем Туркестане, вследствие затруднений с получением заграничного хлопка.

По быв. Закаспийской области посевная площадь под хлопком с 1913 по 1916 год увеличилась почти на 50%: с 43.000 десят. до 60.362 десятин. Это давало бешеные прибыли хлопковым заводчикам, скупщикам.

За годы войны укрепились и выросли новые хлопковики—заводчики из туркмен, выросли и крупные туркменские плантаторы. Известный слух национальной буржуазии стал находить общий язык с российским капитализмом. Вот почему „мобилизация туземцев“ 1916 года в хлопковых районах Закаспия вызвала не открытый бунт, а попытку туркменской „хлопковой“ буржуазии сговориться мирно с царской властью об отсрочке.

Для Мервского района, наиболее хлопководческого, такая отсрочка и была дана до окончания сборов хлопкового урожая. А затем вся зажиточная часть аула откупилась от этой мобилизации,—на тыловые работы были наняты батраки, безземельные дехканы, которые к концу 1916 года переполняли туркменский аул, в связи с колоссально быстрым ходом капиталистической дифференциации аула.

Наем происходил просто. На весь Закаспий приходилось 14.000 мобилизованных. Разверстка дана была по приставствам и по аулам. Аульный арчин—старшина на аульных сходах объявлял количество мобилизованных, выпавшее на данный аул. И „всем аулом“ покупали тех или иных батраков, или безземельных (у которых, как правило, не было ни семьи, ни дома), снабжали их деньгами, одеждой и т. д.

Этот откуп успокоил байство, но не успокоил аула в целом. Были допущены большие злоупотребления и обманы со стороны старшин.

Рана, нанесенная мобилизацией, была болезненной. В Тедженском уезде—также хлопководческом, но с несколько другой конструкцией земельных отношений, вспыхнуло вооруженное движение, правда немедленно ликвидированное.

В скотоводческом же—Красноводском районе, где капиталистические процессы не так жестко изломали родовой быт—мобилизацией 1916 года всколыхнуло поголовно все население. И первые же признаки приближающейся опасности вызвали бегство к персидской границе, а затем и вооруженные столкновения с царской армией.

Поход „усмирителей“ на иомудов, известный под именем „Мадридской экспедиции“, отличался зверской жестокостью.

В туркменском населении события 1916 года вызвали нарастающие глубочайшего недовольства царизмом.

„Мадридская экспедиция“ еще не кончилась к началу Февральской революции. И вести о революции, свержении царя ошеломили аул неожиданностью быстрого возмездия за все преступления царизма.

Но аул оказался на распутье, — он не знал и не видел новых путей.

Высшие чины Туркестанской администрации забеспокоились ожиданием серьезных волнений в ауле. Из Ташкента в Закаспийшла телеграмма за телеграммой:

— „Примите меры к разъяснению туземному населению смысла событий. Призовите к спокойствию“.

Из Ташкента 8 марта был получен начальником области телеграфный запрос:

— „Телеграфируйте общее количество казенных туземцев по приговору полевых и отрядных судов“.

Колмаков с легким сердцем ответил, что „казенных по суду нет“. И это было правдой, потому что казнили без всяких судов.

4 марта Колмаков разослал всем уездам телеграммы:

— „Разъясните населению события. Передайте, что нужно спокойствие. Укажите, что это просьба Курпаткино и моя. Они нас знают. Нам поверят.“

Между тем, канцелярия работала медленно. Только 22 марта разосланы по уездам листовки на туркменском языке.

Первое собрание туркмен состоялось в Мерве 15 мая. Решения на нем вынесены такие: 1. Учредить текинские исполкомы в каждом приставстве, путем всеобщих свободных выборов, и послать делегатов от них в Мервский исполком и центральный Асхабадский исполком. 2. Признать, что туркмены, призванные на тыловые работы, необходимы на местах для обработки хлопковых полей. 3. Признать, что неправильное распределение воды в пользу Мургабского имения грозит населению гибелью посевов. 4. В месячный срок ликвидировать институт волостных управителей. 5. Устранить старшин, позволивших злоупотребление при наборе на тыловые работы.

Таковы первые требования туркмен к новым властям.

Начальник области дает директивы своим подчиненным на местах, чтобы они шли на уступки при требованиях об удалении неугодных волостных правителей, чтобы в аулах избраны были советы из наиболее уважаемых стариков.

Красноводский начальник уезда сообщает, что в Казанджике прекращена им насильственная мобилизация верблюдов. Колмаков хвалит чиновника за эту расторопность и инициативу.

Насколько чужды были друг другу, эта „революционная“ власть и коренное население, видно из того, что 18 марта Асхабадский исполком, взявший в этот день власть из рук начальника области, под председательством Доррера постановляет: „запросить Керенского, — распространяется ли амнистия на иомудов“.

Таким образом, Исполком, этот законный орган Временного правительства (как он сам себя называет) ничуть не хотел менять царской национальной политики, громившей восставших иомудов.

Представители туркмен не были включены ни в один из органов Временного правительства.

Они были брошены на произвол судьбы. Среди туркменских деятелей возникает идея о „параллельном управлении“ — русские себе, туркмены себе.

Но кому управлять туркменами? И на этом вопросе разгорелась борьба двух классов.

Остатки феодалов, патриархального „туркменчилика“, возглавляемые Махтум-Кули-Ханом, сыном известного Нур-Верды-Хана, русифицировавшего борьбой туркмен под Геок-Тепе, при занятии края русским империализмом, составляют одну группу. Эта группа идейно вдохновляется реакционным духовенством. Она громила прогрессивно-буржуазное движение „джадидизм“ с его новометодными школами. Эта группа стремилась повернуть колесо туркменской истории назад.

Вторая группа возглавлялась либеральными офицерами-туркменами, интеллигенцией и отражала интересы зародившейся новой капиталистической силы в Туркмении.

Борьба за руководство туркменским движением между этими группами затянулась на весь 1917 год. Она искуссно использовалась Доррером и его царскими чиновниками. Областной совет солдатских и рабочих депутатов полностью подчиняясь дорреровской системе правления, совершенно не интересовался вопросами связи с аулом.

Наконец, к осени силы определились. Махтум-Кули-Хан вынужден был сойти со сцены. Национальное движение во всем Туркестане стало собирать свои силы вокруг „Мусульманского Краевого Совета“. По Туркмении открылись отделения „ШУРА-ИСЛАМИЯ“. Нарослали серьезные события. Но советы рабочих, солдатских депутатов ни в Туркестанском центре, ни на местах не имели никаких связей с подчинным настроением трудового дехканства, и последнее целиком оказалось во власти буржуазного национального движения.

И. О к т я б р ь.

Рабочий Ташкент открыл боевые революционные действия против Туркестанских агентов правительства Керенского „сентябрьскими событиями“.

Весь рабочий Туркестан насторожился. К этому времени большевистские группы стали оформляться и в Туркмении.

В Асхабаде организаторами большевистской группы явились т.т. Житников, Сеорин, Жук и др.

В Мерве — т. т. Лысенко, Мальков В., Бондаренко, Алесковский и др..

В Красноводске — т. т. Дмитриев В., Ионычев, Андронов, Штейнберг и др.

В ответ на угрозы Временного правительства, Ташкент объявляет забастовку и просит всю Средне-Азиатскую железную дорогу поддерживать ее по всей линии.

Главный Исполнительный комитет ж. д. союза находился в Асхабаде, и отсюда начинается телеграфный опрос — переключка всей линии.

Наконец, 24 сентября по всей дороге посылается следующая телеграмма:

— „Адрес 72 и всем советам солдатских и рабочих депутатов. Товарищи, прос линии окончен. С получением настоящей телеграммы забастовка на Средне-Азиатской железной дороге считается объявленной. Просим районные и местные советы немедленно организовать стачечные комитеты из представителей всех групп служб и местных советов солдатских и рабочих депутатов. Все дальнейшие указания будут исходить от главного стачечного комитета, фамилии членов которого будут сообщены дополнительно. До организации стачечных комитетов, где таковых нет, обязанности их несут районные местные советы.

Председатель Исполнительного Комитета АФАНАСЬЕВ.
Секретарь ОЧЕРЕДЬКО.“

Петроград был обеспокоен туркестанскими событиями. Керенский выслал карательный отряд под начальством Коровниченко.

Борьба разгоралась. Ташкент был охвачен уже Октябрьской революцией.

На помощь Ташкенту поднялись и рабочие массы Туркмении.

Первым застрельщиком этой помощи явился Кушкинский Гарнизон. Телеграмма комиссара Закаспийской области Караваева 30 октября, посланная по радио через своих помощников на Кушке, гласит следующее:

— „ Царское село. Керенскому, копия Петроград, Большая Монетная 22 сенатору Шнитникову. Гарнизон Кушки, возбужденный Ташкентским кровавым столкновением, хочет посылать артиллерию в Ташкент. Приняты меры через посланных в Кушку делегатов Закаспийского Областного Совдепа Каца и моего представителя Безруких удерживать от выступления; а также через Мервский, Чарджуйский и Самаркандский Соведы, которые вообще солидарны с нами. Возможен однако неуспех и отправление артиллерии, что крайне возбудит туземцев, пока лояльных, но склонных к самостоятельной вооруженной защите. Желательна и необходима ваша авторитетная телеграмма Кушкинскому гарнизону по радио в Кушку с требованием спокойно оставаться на месте, не обнажать границы, и обещанием немедленного прекращения кровопролития в Ташкенте, расследования событий и выяснения виновных“.

По линии дана была такая телеграмма:

„Самарканд, Чарджуй, Мерв—Совдепам: в случае выезда военных артиллерий из Кушки, встретите их и примите возможные меры от-

говорить дальнейшего продвижения. Укажите, что приняты меры ликвидации Ташкентского кровопролития. Кем послана телеграмма о немедленном расследовании“.

Но эти телеграммы не подействовали. Кушкинцы выехали. В каждом городе их останавливали, стремились отговорить с семи меньшевистско-право-эсеровскими силами, но эшелон вбирал в себя большевистски настроенных рабочих и двигался дальше. Об Асхабадских настроениях свидетельствуют следующие телеграммы Караваява:

„Ташкент генеральному комиссару. Ташкентские события взволновали советы. Вчера большим биением собрания решался вопрос о посылке эшелона. Удалось отговорить. Хотя настроение против большевизма, было постановлено немедленно требовать от вас прекращения кровопролития, восстания совета. Убеждения выждать выяснения событий, не вмешиваться в прерогативы власти—успеха не имеют, хотя решено действовать в согласии со мною“.

В Ташкенте события приводят к победе рабочих.

Караваяев об этом сообщает в действующую армию верховному главнокомандующему:

„Сейчас получил из Ташкента телеграмму, поданную 1 ноября 10 часов утра откомандированных делегатов железнодорожников и Асхабадского Обсовдепа, такого содержания: Ташкенте крепость сдавалась солдатам и рабочим. Доррер арестован, Коровиченко ищут. Приводят партии сдавшихся юнкеров в мастерские. Путь от Ташкента к Закаспию невредим“.

Караваяев в этой же телеграмме успокаивается рассуждениями, что движение в Ташкенте не носит большевистского характера, выдвигая только требования о персональной смене краевой власти.

Однако, Караваяев ошибся. Несмотря ни на какие противодействия Обсовдепа и других меньшевистских перегородок—

БОЛЬШЕВИЗМ ПОБЕДНО ШЕЛ,

МАССЫ ПОДНЯЛИСЬ К ОКТЯБРЮ,

Дальнейшее развертывание событий и в городе, и в ауле Закаспия через полгода привело Туркмению снова к контрреволюции. Но эти события требуют особого и детального разбора не в данной работе.

